

Андрей Ливадный

Натали

*Часть сборника
Чёрная Луна (сборник)*

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Натали

«Автор»

2005

Ливадный А. Л.

Натали / А. Л. Ливадный — «Автор», 2005 — (Экспансия: История Галактики)

...До войны у него была девушка. Она погибла при бомбежке Раворграда. Тогда Андрей еще мог испытывать боль. Сейчас – нет. Ангар серв-машин тонул в багряном сумраке. Он сидел на нижней ступеньке выдвижного трапа и, закрыв глаза, пытался вспомнить ее образ, но тот тускнел, отдалялся, оставляя лишь имя – Натали. Вокруг возвышались исполинские контуры серв-машин. И обманчивая тишина ангара в любую секунду могла взорваться воем сигналов тревоги. Он ждал этого. Ждал, как избавления от гложущей тоски...

© Ливадный А. Л., 2005

© Автор, 2005

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Ливадный

НАТАЛИ

Время действия согласно Хронологии «Истории Галактики» – 2637 год.

* * *

До войны у него была девушка.
Она погибла при бомбежке Раворграда... Тогда Андрей еще мог ощущать боль. Сейчас уже нет.

Ангар серв-машин тонул в багряном сумраке.

Горели лишь огни, размечающие выходы к десантным шлюзам.

Он сидел на нижней ступеньке выдвижного трапа, ведущего в рубку «Хоплита», и курил, пытаясь вспомнить ее образ.

Не получалось.

Прошло много лет, но не время стерло дорогие черты, оставив лишь смутную фигуру и имя – Натали.

Нет, время тут не при чем...

Ее образ стерла война, бесчисленные уже не поддающиеся осмыслению, не вмещающиеся в памяти *будни*.

Будни войны. Если перебирать дни, как четки, вспоминать всех, с кем сводила и жестоко разлучала судьба за эти годы, можно запросто сойти с ума, свихнуться, сидя на холодном металле выдвижного трапа.

В багряном сумраке, среди решетчатых ферм обслуживания застыли исполинские фигуры боевых серв-машин. Обманчивая тишина бункера в любую секунду могла обернуться воем сигналов тревоги и тогда...

Все смешала война. Людей, технику, технологии... Когда-то шагающие аграрии с планеты Дабог остановили первый удар планетарных сил Земного Альянса, инженеры прародины в свою очередь ухватились за концепцию уникальных шагающих сервомеханизмов, создав их боевые аналоги. Год за годом на полях бесчисленных сражений Первой Галактической выковывался, ошлифовывался под шквалом ракет и снарядов, закалялся среди потоков лазерного излучения и ударов плазмогенераторов облик и конструкция двух основных типов серв-машин.

Тяжелый, шестидесятитонный «Фалангер» и более легкий (сорок тонн) «Хоплит». Универсальное, доведенное до стадии технического совершенства шасси, ужасающее по своей мощи бортовое вооружение, включающее и кибернетические компоненты с элементом искусственных нейросетей, которые накапливали опыт пилотов и, в случае смерти последних, могли продолжать бой... так, словно человек по-прежнему руководил машиной.

В самом начале войны все было проще, – Земные флоты господствовали в космосе, колонии отчаянно сопротивлялись вторжению, целые планеты сгорали в пламени орбитальных бомбардировок, пока военно-промышленные комплексы Альянса не поставили на поток принципиально новые образчики планетарной техники, способные царить на полях сражений так же, как крейсера прародины царили в космосе.

Казалось поражение колоний неизбежно, но...

Андрей погасил окуроч.

Среди багряного сумрака и хищных контуров сервомеханизмов заплутала его память. Она выталкивала на поверхность сознания отдельные фрагменты вселенского кошмара, когда он, еще совсем юный, впервые ступил на почерневший от копоти трап захваченного в бою «Хоплита».

Не они выбирали свою судьбу – Судьба выбирала их, практически подростков, едва переступивших порог совершеннолетия, и швыряла: кого в кресло пилот-ложемента трофейной серв-машины, кого в рубки орбитальных штурмовиков, наспех переделанных из челночных грузовых кораблей, кого на палубы и боевые отсеки захваченных на планете Кьюиг крейсеров Альянса.

Так наступил перелом.

Колонисты, которым приходилось на протяжении четырехсот лет бороться с враждебными биосферами, терраформировать чуждые планеты, на самом деле имели не только промышленные базы, но и огромный потенциал развития. Обе противоборствующие стороны с удивительной скоростью перенимали друг у друга опыт и технологии, внедряли их в серию... и маховик войны вдруг начал раскручиваться с новой силой, какой не предполагали ни стратеги Альянса, ни выжившие под орбитальными бомбардировками защитники подвергшихся внезапному нападению колоний.

На поля сражений пришли сервомеханизмы.

Земля с самого начала снабжала свои машины модулями псевдоинтеллекта. Программный модуль «Одиночка», связанный в бою шунтом прямого нейросенсорного контакта с разумом пилота, получал команды на мысленном уровне, одновременно запоминая, как действует человек в той или иной ситуации, накапливая боевой опыт, совершенствуясь, до той стадии пока кристаллосхема (в более поздних модификациях – кристаллосфера с набором модульных схем) не начинала мыслить самостоятельно, вобрав не только боевой опыт, но и часть души, сознания человека.

Мало кто выживал среди жерновов жесточайшего противостояния.

Люди гибли, но оставались машины, хранившие частицы их боли, ненависти – опаленные, избывшие от войны фрагменты души оставались навек прописаны в искусственную память, оцифрованы и... как жуткое следствие тотальной нехватки обученных пилотов, – они начали поступать в тираж, на конвейеры, с которых сходили уже обладающие штампом «сознания» Одиночки.

К концу войны сложилась абсурдная и одновременно – грозящая полным уничтожением людей ситуация, когда в составе Военно-Космических сил Альянса на одного человека приходилось до тысячи кибернетических механизмов.

В колониях, где с определенного момента так же стали производить серв-машины (полноценное управление которыми без модуля «Одиночка» являлось попросту нереальным), пошли другим путем. Псевдоинтеллекту не позволяли бесконечно накапливать боевой и моральный опыт. Если Земной Альянс исчерпал человеческий ресурс, то колонии, чей потенциал постоянно пополнялся открытием все новых и новых, «потерянных» во времена Великого Исхода поселений, такой проблемы не испытывали, поэтому ни одна серв-машина, входящая в боевые формирования Флота Свободных Колоний, никогда не действовала самостоятельно, без контроля со стороны человека.

Матрицы сознания «Одиночек» регулярно тестировались; при помощи специальных программ с искусственных нейросетевых носителей удалялась вся эмоциональная составляющая, способная дать толчок к спонтанному, взрывообразному саморазвитию искусственного интеллекта, оставляя таким образом (в любой ситуации) решающее слово за пилотами.

По крайней мере так предполагал устав и дополняющие его технические инструкции Флота...

...Шел тридцатый год войны.

Земной Альянс был фактически разгромлен, но сотни, если не тысячи автономных кибернетических соединений (в составе которых не было ни одного человека) продолжали выполнение боевых задач, им был безразличен факт оккупации Земли, для них война продолжалась и могла окончиться лишь в следствие двух причин: полного выполнения поставленной задачи, либо физического уничтожения самих механизмов.

...

Нет, Андрей не мог вспомнить ее образ.

От любимой осталась лишь смутная тень, робко встающая на пороге сознания, и имя.

Жизнь, давно обратившаяся в пепел.

Пепел его души, который уже не жег грудь.

Зачем сидел он на ступеньке трапа, в багряном сумраке, среди обрывков воспоминаний и ужасающих сервомеханизмов, молчаливо ждущих своего часа?

Он сам не знал этого.

В помещениях бункера временной базы было холодно, неудобно тоскливо и однообразно. Душа прозябала в стылых стенах, ей хотелось наверх, туда где среди руин разрушенных городов обретаются остаточные серв-соединения противника.

Он забыл что такое «нормальная жизнь».

Капитан Земцов не понимал, что болен. Болен войной, которая стала единственным смыслом бытия.

В промежутках между боями он не жил, а существовал. И не он один...

...Мысли капитана прервал сладкий, долгожданный звук, – где-то в глубинах бункера зародился надсадный вой сигнала тревоги и, вторя ему, вокруг началось несуетливое механическое движение: с шелестом и едва слышным повизгиванием заправочные фермы отходили в стороны, освобождая корпуса серв-машин батальона.

Началось...

В тысячный, миллионный раз?

Капитану Земцову, по большому счету, было все равно. Главное – началось.

Он не суетился, будто действительно давно стал частицей электронно-механического мира. Поднявшись по ступеням трапа Андрей оказался в тесном переходном тамбуре шлюзовой камеры. Касание сенсора и боевой скафандр, закрепленный в специальной нише, преданно раздался в стороны... шелест бронепластин, сдвигающихся, чтобы пропустить человека внутрь керамлитовой оболочки, сливался с визгом сервомоторов усилителей мускулатуры. Музыка...

Он привычно повернулся спиной к открывшейся нише и сделал шаг назад.

Бронепластины начали обратное движение, плотно облекая тело, тихо клацали электромагнитные замки экипировки, сверху, закрывая голову, опустил шлем, в районе шеи тот час ощутилось круговое движение специального соединительного кольца, в ватной тишине раздались несколько характерных щелчков, и проекционное забрало тут же просветлело, отображая графики тестирования бронескафандра и жизненные показатели пилота, снятые системами метаболического контроля через сотни вонзившихся под кожу датчиков.

Массивный люк, ведущий в рубку управления «Хоплита», почти беззвучно скользнул в сторону.

Чувства перед боем всегда притупляются.

Так работает система жизнеобеспечения, встраиваемая в любой боевой скафандр. Пиковые метаболические реакции человека сглаживаются, гасятся точно выверенными дозами препаратов, но что значит вся дрянная химия, действие которой притупляется с годами, перед *предчувствием боя?*

Андрей ощутил лишь легкое секундное помутнение рассудка, которое тут же ушло, как внезапный приступ дурноты.

Не нужны ему нейтрализаторы. Он спокоен. Его возбуждение не имеет ничего общего с нервозностью. Все хорошо...

Сложная система пилот-ложемента (катапультируемая при критических повреждениях серв-машины) преданно раздалась в стороны.

Шаг вперед, мимо оживающих экранов обзора, неистового танца индикационных огней на приборных панелях, полуоборот, ноющий звук сервомускулов, и тело, закованное в броню, опускается в кресло.

Пилот-ложемент начинает обратное движение, смыкаются амортизационные дуги каркаса, голова пилота мягко подается вперед под давлением подголовника, в правой височной области гермошлема вдруг начинает судорожно помаргивать передатчик ИК-порта¹ – это разум пилота входит в нейросенсорный контакт с кибернетической системой боевой машины...

Натали...

Здравствуй...

Тебе было одиноко без меня?

Тихая чарующая сознание музыка мысленных образов, тусклое взмаргивание алой точки на гермошлеме, и в рассудок врывается ее ответ:

– Доброе утро Андрей. Я наблюдала за тобой. Мне показалось – тебе грустно.

– Грустно? Нет. Уже нет... Что передают?

– Сканеры орбитальной группировки зафиксировали возмущение метрики трехмерного континуума.

– Обратный переход? У нас гости?

– Четыре штурмовых носителя класса «Нибелунг». Покинули гиперсферу восемьдесят четыре секунды тому назад. Вышли на границе стратосферы. Наши перехватчики опаздывают. Модули противника уже начали снижение. Система аналитического контроля прогнозирует их успешную посадку в квадрате гамма-4-16 через семь минут.

– Загрузка определена?

– Данные сканирования в процессе приема.

– Давай, что есть.

Перед мысленным взором возникла четкая компьютерная схема штурмового носителя класса «Нибелунг». Данные космические аппараты, оснащенные собственным гипердрайвом, предназначались исключительно для доставки на планеты и последующей поддержки серв-соединений Альянса.

Каждый «Нибелунг» (при полной боевой загрузке) нес на своем борту двух «Фалангеров», трех «Хоплитов» плюс взвод андроидов пехотной поддержки и автоматы перезарядки – примитивные механизмы, способные осуществлять смену боекомплектов и мелкий ремонт серв-машин непосредственно в ходе боевых действий.

Данные проникающего сканирования по первому, покинувшему гиперсферу штурмовому носителю, показывали его стопроцентную загрузку.

Логично предположить: остальные модули так же несут на борту полнокровные серв-соединения, а это означало что в зоне ответственности батальона через шесть минут осуществят десантирование четыре взвода серв-машин.

Земцов бросил взгляд на экраны обзора. «Фалангер» командира батальона, полковника Ремезова уже подходил к шлюзу, за которым располагался механизм подъемника.

– Натали...

¹ ИК-порт – устройство удаленного доступа, осуществляющее беспроводную передачу данных, посредством инфракрасного излучения.

– Да, Андрей? – В ее немедленном, мягком отклике ясно звучали нотки чувственного восприятия, будто кибернетическая система «Хоплита» испытывала перед боем особые, не присущие обыкновенной машине *чувства*.

Так оно и было.

Капитан Земцов не выжил бы в сотнях боев не будь рядом ее – призрака, от которого осталось лишь имя.

Как он мог позволить технарям стереть память Натали, его боевой подруги, которая суть – давно уже не «Одиночка», – она часть его обгоревшей души, образ, возвращенный памятью, последний лучик человечности среди хаоса смерти...

Они были неразлучны на протяжении многих лет, прошли вместе через настоящий ад, – как он мог отдать ее в грубые руки равнодушных техников, не знающих иной привязанности, кроме как упиваться до полусмерти в промежутках между боями?

Нет.

Однажды перешагнув через параграфы уставов, он уже никогда не последует пунктам инструкций.

– Второй, начинаю движение.

Что-то хрупко надламывалось в душе. Первый тактовый шаг серв-машины – сложная процедура, в которой одновременно задействованы десятки сервоприводов, гидравлических усилителей, электромагнитов, – ступоход выпрямляется, немного меняет форму, теряя угловатость консервационного положения, встают на место обтекаемые бронированные кожухи, закрывающие наиболее уязвимые места привода, и вот огромный сервомеханизм чуть покачнувшись делает *шаг*, от которого ощутимо вздрагивают помещения бункера.

– Ноль первый, на выходе чисто. Подъемник первого ствола пошел вниз. Включаю канал телеметрии данных.

Командная частота несет хрипловатый надсаженный в боях голос Ремезова и, вслед за словами комбата, в разум начинают вливаться первые байты данных оперативной обстановки.

Шаг на платформу подъемника.

В рассудке, связанном с кибернетической системой «Хоплита», привычно концентрируется множество данных, но мысли от этого не путаются, обилие информации не помеха, скорее благо, когда ты не ощущаешь себя оторванным от всех и вся. Спутники орбитальной группировки неотрывно следят за снижением «Нибелунгов», вариатор частот то и дело отдает в рассудок дозированные порции радиопереговоров между другими пилотами батальона, свидетельствуя: все в порядке, второй и третий взводы уже покинули зону глубоко эшелонированных технических боксов и теперь выдвигаются к цели, следуя параллельными курсами.

Потоки данных, вливаясь в объединенное сознание человека и кибернетической системы, мгновенно находят свое место в обобщенном понимании обстановки.

Однако, кроме обработки информации, есть среди мыслей что-то иное.

Оно тревожит и настораживает одновременно.

Тихая, едва слышная музыка, от которой вдруг начинает щемить сердце, сбивается дыхание и огромная серв-машина, сделав неверный шаг, с оглушительным хрустом надламывает попавший под ступоход ствол поваленного дерева, тихо взвывают, раскручиваясь до невыносимых оборотов, гироскопы самостабилизации, – внешне все выглядит вполне заурядно, но Андрей вбирает ощущения мгновенного *сбоя*, реагируя на происходящее мысленным вопросом:

– Что случилось, Натали?

Тишина.

Лишь внешние микрофоны транслируют тяжелую тактовую поступь, на командной частоте полковник Ремезов отдает приказ «Фалангерам» первой роты: Занять позицию для залпа тяжелыми ракетами, перед внутренним зрением разворачивается контрастная кар-

тинка, – первый «Нибелунг», не выпуская посадочных опор, открыл аппарат и ударное соединение Альянса начало высадку.

– Натали?

За спиной «Фалангеры» первой роты начали выдвигать дополнительные гидравлические упоры. Теперь их строй напоминает ракетную батарею – исполинские серв-машины сложили ступоходы, припав к земле, крышки пусковых тубусов открыты, и жала баллистических снарядов, способных поражать орбитальные цели, тупо, холодно поблескивают в ожидании пуска.

– Война скоро закончиться, Андрей. – Пришел наконец мысленный ответ кибернетической системы. – Я чувствую, – это последний бой.

Холодом обожгло сердце.

Она не сказала: Ты бросишь меня, уйдешь, и наша тайна перестанет ей быть – меня сотрут, в ходе планового тестирования, потому что...

– Мы еще не закончили. Даже не начинали. – Глухо произнес Андрей, не обратив внимания, что сбился с мыслеобразов на обыкновенную речь.

– В чем дело Земцов? – Тут же огрызнулся коммуникатор. – С кем ты там разговариваешь? Отстаешь от группы!

– Подтягиваюсь. – Машинально ответил, он увеличивая скорость, – теперь «Хоплит» перешел с ритмичного шага на бег, развивая полную мощность хода.

– Ты любил ее?

– Кого?

– Ту Натали, что была до меня? Живую?

– Она погибла. – Давняя боль укусила сердце. – Ты ее образ.

– Я лишь тень в твоём сознании. Прости. Я... больше не буду. Работаем.

Земцов не ответил, но мысли уже не хотели вливаться в прежнюю ритмику.

Она задала конкретный вопрос, на который у него не нашлось ответа.

А что если действительно этот бой последний?

Не в смысле личной смерти... к ее призраку он давно привык, а в смысле войны? Земля капитулировала, и уничтожение разрозненных автоматических соединений не может продолжаться вечно. В конечном итоге победа придет, сегодня, завтра, через неделю или месяц, – какая в принципе разница в сроках, главное – *она неизбежна*.

Именно это хотела сказать ему Натали.

Я была нужна тебе, когда вокруг не оставалось никого, лишь я – поврежденный, припадающий на один ступоход «Хоплит», заблудившийся в смертельном танце неравного боя, когда твой надрывный крик слышали лишь стены этой рубки, впитывая его, а что грядет теперь?

Натали, мы еще не закончили войну.

– Я...

Впервые «Одиночка» не успела завершить начатой фразы.

Пять штурмовых носителей вырвались из-за кромки руин мегаполиса, до которого оставалось еще километров пятьдесят не меньше...

Секунда злобного, мертвенного наваждения.

Системы сканирования ошиблись, их обманули выпущенные из глубин гиперсферы фантом-генераторы, а реальная высадка противника прошла под прикрытием ложных целей совершенно не там, где полагали показания спутниковых систем.

Они оказались *рядом*.

Пять «Нибелунгов» окутались единовременным залпом, управляющие ими модули «Одиночек» могли вести сопровождение пятидесяти целей одновременно, но в данный момент они сосредоточили огонь бортовых оружейно-ракетных комплексов на позиции «Фалангеров» первой роты.

Земля вскипела в том месте, где только что изготавливались к массированному запуску пять тяжелых серв-машин батальона, а «Нибелунги» уже перенацелились на атаку продвигавшихся к разрушенному мегаполису мобильных групп.

В первый момент после залпа Земцов, машинально уклоняясь от выпущенной по нему очереди вакуумного орудия, внезапно подумал: вот он – конец войны...

Нет. Снаряды лишь вспахали землю дымными султанами, осыпав броню «Хоплита» градом осколков, смерть пронеслась в полуметре от рубки, вернув разуму ощущение ритмики боя.

Штурмовые носители противника, разрядив оперативный боекомплект, разворачивались, стремясь проскользнуть назад, к иззубренным руинам разрушенного города.

Мысленный взгляд на тактический монитор мгновенно показал насколько не завидно положение батальона.

Ни одна из серв-машин противника еще не проявила себя, а силы уже практически уравнялись, – пять «Фалангеров» первой роты пылали среди исполинских воронок, никто из пилотов не успел катапультироваться, рядом ворочались тепловые контуры поврежденных «Хоплитов» прикрытия, не успевших отреагировать на неожиданный обстрел, над кромкой далекого леса, где продвигалась вторая рота, к небесам тянулось несколько жирных, дымных шлейфов, а впереди, среди многоэтажных руин, внезапно наметилось первое движение, и тактический монитор начал обозначать активные сигналы: серв-машины противника, рассредоточившись на разных уровнях уцелевших городских коммуникаций, открыли ураганный огонь, прикрывая отход «Нибелунгов».

Ракеты рвали землю, пламя плескало в экраны оранжевыми сгустками разрывов, тонны горячей почвы дымящимися комьями падали из поднебесья, на командной частоте бился хриплый голос комбата, пытавшегося скоординировать действия попавших под обстрел соединений, а рассудок Андрея вдруг полностью погрузился в безумие адского танца смерти, – на пределе мощности он вырвал «Хоплита» из под шквального огня, стремительно сокращая дистанцию до роковых руин.

– Натали, прыжковые на разогрев!

Подвеска реактивных двигателей, закрепленная на поворотной платформе, озарилась коротким тестовым сполохом, дюзы моментально раскалились, источая горячее белое сияние...

– Готова!

Андрей повел взглядом.

Его разум, напрямую связанный с кибернетической системой «Одиночки», управлял сорокатонным «Хоплитом» исключительно силой мысли, не было никакой необходимости в ручных манипуляциях – в зависимости от воли пилота нужные цепи управления замыкались за доли секунд.

Он видел пульсирующую цель на проекционном забрале своего шлема, взгляд цепко схватил ее, нацеливая сенсорные системы на избранную точку, расчетные данные для прыжка мгновенно прошли обработку в навигационных блоках, и теперь Андрею оставалось лишь дать мысленную отмашку, чтобы серв-машина устремилась в избранном направлении...

Верхняя полусфера! Беглый огонь!

Секунда задержки.

Прыжок!

Динамический удар стартовой перегрузки заставил придти в движение амортизационные механизмы пилот-ложемента, и все равно Андрей ощутил, как тело вдавило в кресло; сверху, над самой головой зашлась ритмичным, злобным лаем спаренная зенитная установка, поливая двигательные секции ближайшего «Нибелунга» хлесткими очередями кумулятивных снарядов, разорванное небо рванулось навстречу, дикая картина открывалась взгляду Земцова: от кормы штурмового носителя вниз падали выбитые снарядами обломки брони, – зенитное

орудие, поворачиваясь, продолжало вбивать снаряд за снарядом практически в одну точку, и внезапно защита штурмового носителя не выдержала, размягченная адской температурой броня разлетелась рваными клочьями, изнутри пораженного отсека рвануло пламя; мгновение спустя глухим толчком пришел взрыв, вырвавший несколько секций планетарного привода, а «Хоплит» уже достиг апогея своей траектории и начал резко снижаться, параллельно падающему, кренящемуся на правый борт «Нибелунгу».

Бой спрессованный в секунды...

Зенитное орудие смолкло – закончился оперативный боекомплект.

Руины города, еще дымящиеся от частых ракетных запусков, рванулись навстречу экранам, ослепительно огрызнулись огнем дюзы коррекции, ступоходы с визгом коснулись наклонной плиты перекрытия, оставляя в стеклобетоне глубокие, рваные борозды, на секунду машина Земцова застыла, ощутимо пошатнувшись, – разум пилота уже не поспевал за стремительностью происходящего действия, но, останавливаясь в бою – означало обречь себя на верную гибель, и Натали знала это не хуже Андрея...

Вот когда на первый план выступала кибернетическая система, способная выдержать любую перегрузку, ничего не упускающая в своем видении, мгновенно реагирующая на ситуацию, так, словно сознание капитана Земцова не помутилось, оставаясь ясным...

...Он хватал ртом загустевший вдруг воздух, а его «Хоплит» уже сделал первый шаг по наклонной плоскости. Резко отработали сервоприводы торсового разворота, рубка повернулась до мягкого удара об ограничитель, и правая ракетная установка разрядилась с коротким ревом: реактивные снаряды легли точно в цель, обрушив стену здания, обломки бетонных конструкций еще барабанили по броне вражеского «Фалангера», когда тубусы левого ракетного комплекса изрыгнули огонь, произведя залп на дистанции прямой наводки.

– Ты что делаешь Земцов?! – Хриплый голос комбата потонул в грохоте взрыва, – «Фалангер» противника окутался ослепительным шаром огня, из которого в разные стороны вдруг ударили мутные гейзеры извергающейся под давлением охлаждающей жидкости, – это Натали положила ракеты точно в область реактора, превратив теплообменник вражеской сервомашины в искореженные обломки...

– Спасая батальон, – так же сипло огрызнулся Земцов, выпуская подвесные орудия.

В опаленной близким взрывом броне «Хоплита» открылись узкие щели, и ближе к носовой части рубки, перед дымящимися после залпа тубусами, суппорты выдвинули два боковых пятидесятимиллиметровых орудия, мгновенно закрепив их на специальных оружейных пилонах.

Ритмично заработали эскалаторы, подавая боекомплект.

Сбоку внезапно ударил еще один взрыв, но Андрей не понял что это было – выпущенная по нему ракета или от резкого скачка температуры рванул боекомплект атакованного «Фалангера».

– Натали?

– Порядок. Поворачиваю по данным радара. Дистанция до цели – четыреста метров. Класс «Хоплит», сигнал сдвоенный.

Ясно.

Мимо рубки с воем пронеслись огненные росчерки ракетного залпа, вслед, выбивая кубометры бетона ударила пятитактовая очередь тяжелого орудия, но Андрей уже вывел свою машину под прикрытие наполовину обрушившейся транспортной развязки уровня, так что огонь еще одного «Фалангера», пытавшегося достать его с верхних этажей одиноко стоящего небоскреба не сильно волновал Земцова.

У него нашлась более близкая, реальная цель.

Впереди на этом же уровне мегаполиса, за огрызками стен скрывались две легких серв-машины стандартной боевой связки ². По идее они должны были прикрывать многотонного «Фалангера» от внезапной атаки, но просчитались, не предугадав дерзкого прыжка, позволившего Натали обрушить стену и произвести ракетный залп в единственное уязвимое место, расположенное в кормовой части рубки тяжелой серв-машины

Земцов осмотрелся, полностью включаясь в управление.

Преддверие ада.

Иначе назвать открывшуюся взгляду картину было немислимо.

Давно покинутый людьми, изуродованный войной город смыкался вокруг узкими ущельями наполовину обрушившихся улиц, сумрак которых то и дело освещали стробоскопические вспышки орудийных очередей или ослепительные факела ракетных запусков. Противник избрал идеальное место для высадки. Затаившиеся среди бетонных конструкций серв-машины не дадут батальону смять их одним массивным ударом, напротив, заняв господствующие высоты они смогут удерживать позиции не один день...

Мрачные мысли Андрея нарушил голос Натали:

– Носитель падает. Даю траекторию.

Пульсирующая курсовая нить поврежденного штурмового носителя, пытающегося совершить вынужденную посадку, круто уходила вниз, задевая тот квартал, где затаились два «Хоплита». Цифры обратного отсчета, предвещающие неизбежную катастрофу, стремительно сбегали к нулю.

Решение пришло мгновенно, оно казалось очевидным.

Натали, они прыгнут, чтобы уйти из под удара!

Внешние микрофоны передали оглушительный рев, а мгновение спустя чудовищный удар потряс разрушенный мегаполис, – это «Нибелунг» врезался в руины, проламывая стены и перекрытия; брызжущие фонтаны искр, сопровождавшие его сокрушительное падение, вдруг превратились в извергающиеся гейзеры пламени... казалось многострадальный город не выдержит и начнет рушиться, квартал за кварталом, уровень за уровнем, складываясь, будто картонный домик, но на самом деле не выдержали лишь те здания, что находились в эпицентре катастрофы, – с тяжким грохотом вниз начали оседать три близко расположенных небоскреба, окрестности тут же заволокло белесой пылью, сквозь клубы которой продолжал яростно прорываться огонь, пожирающий обломки штурмового носителя.

Андрей явственно ощущал, как под ступоходами его «Хоплита» вибрирует перекрытие уровня.

Не факт, что выдержит... – промелькнула мысль, и Натали тут же подхватила ее, сообщив, что в реактивных ускорителях еще остался резервный запас топлива...

Мысль отдалилась и поблекла, вместо нее в сознании появился иной образ: две серв-машины противника, скрывавшиеся среди руин, не выдержали, осуществив продувку реактивных ускорителей – верный признак, что приближающиеся оползни вынуждали их совершить прыжок...

² Связка «Фалангер» – «Хоплит». Здесь следует пояснить: серв-машины класса «Фалангер» относятся к тяжелым видам боевой планетарной техники. Их вес в зависимости от модели варьировался от сорока пяти (в первые годы войны) до шестидесяти тонн. Основное вооружение: ракетные установки большого радиуса действия, крупнокалиберные (150мм) автоматические орудия, реже вместо ракетных установок на оружейных пилонах монтировались лазеры теплового спектра, аналогичные корабельным установкам, входившим в состав комплексов «Прайд». Учитывая эти особенности «Фалангеры» служили для поражения удаленных целей (в том числе и орбитальных), в ближнем бою они часто оказывались уязвимы из-за низкой маневренности и невозможности вести огонь тяжелым ракетами на дистанции прямой наводки, поэтому в ходе боевых действий с учетом накопленного опыта, в подразделениях Альянса получила широкое применение практика так называемых «боевых пар», когда каждый «Фалангер» сопровождался более легким (30-40 тонн) «Хоплитом», который прикрывал ведущего в ближнем бою, вел активную разведку целей, атаковал укрепленные пункты и технику противника, пользуясь огневой поддержкой ведущего.

Андрей ждал этого.

Он чувствовал: на борту «Хоплитов» противника функционируют «Одиночки», еще не наработавшие достаточного боевого опыта, – их действия оказались легко предсказуемы. Земцов резко повернул вправо, удаляясь от места крушения «Нибелунга» и одновременно открывая линию огня.

– Они начали маневр. – Мягкий голос Натали вплетался в мрачную ритмику разгорающегося вокруг руин мегаполиса сражения, словно шепот ангела-хранителя, незримо находящегося рядом:

– Вектор ускорения определен. Данные предварительной наводки орудий обработаны.

...

События, спрессованные в несколько минут адского боестолкновения...

Рассудок человека воспринимал стремительный поток данных лишь благодаря нейро-сенсорному контакту с кибернетической системой, именно она позволяла разуму растягивать секунды в субъективную вечность, успевая реагировать на постоянную смену обстановки

... Два «Хоплита» взмыли над руинами в ореоле ослепительного пламени, рвущегося из дюз прыжковых ускорителей, и тут же, не дав им шанса завершить начатый маневр Земцов разрядил обе орудийные установки, – каждая работала по своей цели, поливая снарядами поворотные платформы серв-машин противника.

Обломки «Нибелунга» еще продолжали двигаться, пробивая бетонные стены, словно листы картона, а сверху, хлестким металлокерамическим градом вдруг посыпались фрагменты сбитых снарядами бронированных кожухов и механизмов поворотных платформ, – катастрофическое приземление двум «Хоплитам» было фактически гарантировано, и Земцов, ощутив как вхолостую щелкнули электромагнитные затворы орудий, отвернул в сторону, мысленно списав еще две боевые единицы со счета высадившихся серв-соединений Альянса.

Глуп тот пилот, кто не использует шанса критически повредить вражеские сервомеханизмы, используя *тактику*, не уповая лишь на огневую мощь, – при том раскладе сил, что обозначился в данном бою, Андрей за несколько минут сделал фактически невозможное – успешно атаковал «Нибелунг», который теперь изрыгал клубы дыма и языки пламени, прочно застряв в руинах, обнаружил и ликвидировал позицию «Фалангера», а затем подловил на вынужденном прыжке двух «Хоплитов».

На этом везение окончилось. Он чувствовал, что зарвался, и гневный окрик полковника Ремезова, напоминая ему именно об этом: любая дерзость имеет свои границы и свою цену, «Хоплит» Земцова оказался слишком далеко от остальных сил серв-батальона, которые вязко, медленно продвигались вперед, под продолжающимся обстрелом, и только он, с разряженными ракетными установками и опустевшими орудиями, словно заноза вонзился в самое сердце вражеского расположения, ломая строго проработанный план вторжения.

Шансы, Натали?

Секунда тишины.

Их нет, Андрей.

Он не успел задать вопрос – перед мысленным взором возник контур «Нибелунга» – штурмовой носитель завис на уровне верхних этажей одного из зданий, принимая на аппарель двух «Фалангеров».

Предугадать значение переданной картинки было несложно: две тяжелые серв-машины, не обладающие способностью к прыжкам на реактивной тяге, будут транспортированы «Нибелунгом», на низлежащий уровень мегаполиса и под прикрытием орудий штурмового носителя попытаются разделаться с дерзким пилотом.

Не сложная задача, учитывая, что перезарядившиеся ракетные установки «Хоплита» вряд ли пробьют лобовую броню титанов, а пятидесятимиллиметровые орудия, которые в дан-

ный момент вновь скрылись в боковых оружейных нишах, слишком слабы, чтобы серьезно повредить «Фалангера» в прямом столкновении.

Главным преимуществом легких серв-машин всегда являлась их маневренность, дающая возможность атаковать уязвимые места противника, огневой мощи тут противопоставлялась скорость, возможность делать короткие, эффектные прыжки, атакуя цели с выгодных позиций.

Его стремительный рывок на средний уровень разрушенного города, когда реактивные ускорители подняли «Хоплит» Земцова до уровня парения «Нибелунга», позволив нанести последнему критические повреждения, к сожалению исчерпал запас реактивного топлива, а скоростное маневрирование в узилище зажатых руинами проспектов представлялось весьма проблематичным...

Если «Фалангеры» выйдут на него «в лоб» – Андрею не жить – он понимал это со всей очевидностью.

Выходим из боя?

Вопрос Натали прозвучал, будто упрек.

Ракетные комплексы перезаряжены.

Вдоль проспекта, срывая обломки бетона с иззубренных руин, катился нарастающий рев, – это снижался штурмовой носитель, выбирая место для высадки «Фалангеров».

– Командир, где штурмовики? – Андрей задал вопрос, не надеясь на приятные новости и не ошибся.

– Земцов, твою мать... Выбита половина батальона... Где тебя носит?!..

– Там, где положено. – Огрызнулся капитан. Он понимал состояние полковника Ремезова. Тому приходилось совсем не сладко, батальон увяз на подступах к мегаполису, машины маневрировали фактически на открытой местности, находясь под постоянным огнем с господствующих уровней города, где среди руин располагались идеально защищенные позиции серв-соединений Альянса...

– Это ты «посадил» штурмовой носитель? – Голос Ремезова наконец зазвучал как полагается, с должными нотками уважения.

– Я. Могу дать точную наводку на второй «Нибелунг».

– Передавай.

Алый огонек на индикационной панели возвестил, что Натали уже транслирует данные на командной частоте связи.

– Фрайг... – выругался полковник оценив, как тесно штурмовому носителю в ущелье засыпанного бетонным щебнем проспекта. – Что он делает?!..

– Прет на меня... С двумя «Фалангерами» в десантном отсеке.

– Отойти сможешь?

– Реактивное топливо на нуле. Мне не соскочить, комбат.

– Что предлагаешь?

– Наводи штурмовики по моему пеленгу.

– Спятил?

– Нет. Я выхожу. Буду двигаться в лоб «Нибелунгу». Если судьба – проросну меж посадочных опор.

– Хорошо подумал?

– Нет времени, комбат. Я пошел. Решай...

Земцов не бравировал. В его душе давно не осталось места для глупых выходок. Игра со смертью шла по-честному, и если его жизнь сейчас разменивалась на штурмовой носитель вкупе с двумя «Фалангерами» Альянса, то значит – так тому и быть. Отступать поздно, да и некуда. Носиться по руинам в течение суток, он не собирался.

– Гепарды взяли пеленг. Держись!

Вперед Натали!

«Хоплит» Земцова проломил огрызок стены, выйдя на относительный простор проспекта.

Это было похоже на бред сошедшего с ума пилота, у которого в голове бесконечно прокручиваются нереальные с точки зрения здравого смысла фрагменты боев: легкая серв-машина, набирая скорость, устремилась вдоль полуразрушенных фасадов зданий прямо в лоб садящемуся «Нибелунгу».

Андрей знал сколько орудий и ракетных шахт защищает носовую полусферу носителя, – башни главного калибра располагались по бортам, и сейчас были наполовину утоплены в броню из-за узости посадочной площадки. Он рисковал, но делал это осознанно, не от отчаяния, а скорее в силу давно и прочно усвоенной истины: лучший способ защиты – это нападение.

Из-под купола свинцово-серых небес в узкую расселину проспекта падал нарастающий вой, – это звено «Гепардов» вышло на прямую атаки, они пикировали по пеленгу сигнала, который передавал «Хоплит» Земцова, – различить «Нибелунг» среди множества ложных целей, огня пожарищ и искажений, вызванных работой фантом-генераторов, пилоты штурмовиков могли лишь на дистанции прямого огня, поэтому им не оставалось ничего иного, кроме, как *буквально* выполнить приказ командира батальона, выпустив ракеты по четкому сигналу, который поддерживала Натали...

Никто из пилотов не догадывался что у киберсистемы «Хоплита» есть собственное имя.

Они отработали по цели и взмыли вверх, прочь от огрызающихся огнем зенитных комплексов руин...

* * *

Зафиксирован массированный ракетный запуск...

Дистанция – полтора километра.

Подлетное время – восемь секунд...

Сообщения врываются в рассудок, мешая маневрировать.

Замолчи!

«Нибелунг» уже выпустил посадочные опоры. Сложные механизмы выдвигали многотонные шасси, снабженные тандемной опорной частью: дистанция сокращалась и Андрей видел как огромные литые колеса подались вверх, уступая место «раскачке» – так пилоты именовали изогнутые, похожие на короткие, широкие лыжи касательные поверхности.

Носовая полусфера штурмового носителя извергала шквал снарядов, длинные очереди вакуумных орудий хлестали вдоль проспекта, постоянно меняя угол, отчего снаряды расходились веером, обрушивая чудом уцелевшие стены зданий, вслед «Хоплиту» неслась стена разрывов, такая же оранжево-черная, беснующаяся преграда вставала на его пути, осколки рикошетили, калеча кожухи, один из снарядов пробил защитную скорлупу, под которой пряталась установка локационной системы, и мир в глазах Земцова на миг помутился, но Натали в ту же секунду переключилась на резерв...

В правом ступоходе что-то ритмично скрежетало, зубовой хруст надломившегося металла отдавался болью в каждой клеточке мозга, ибо он был серв-машиной, а она являлась им, – человек и кибернетическая система воспринимали друг друга как две половинки единого целого...

«Нибелунг» коснулся тверди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.